

Баку

Первый день в Баку. Набережная. Городской сад. В крепости. Опреснитель

Так души низкие. Будь знатен, силен ты.
Не смеют на тебя поднять они и взгляды,
Но упади лишь с высоты
От первых жди от них обиды и досады
(Крылов)

Я подъезжал к Баку. Более скучной однообразной местности и представить себе трудно. Голая, мёртвая, без единой травки необозримая пустыня расстилалась предо мной. Только местами эта унылая буро-желтая местность прерывалась белыми полосами осадков соли.

Я проснулся рано и все время глядел в окна вагона, поражаясь мертвенностю пустыни. Кое-где поднимались холмы, но такие же бурые, унылые и печальные.

Постоянно приходилось слышать, что Баку нечно ужасное, город зноя, ужасных ветров, пропитанный сплошь запахом керосина, что там нет ни единого дерева, нет пресной воды, а пьют солёную, что чай пить нельзя без кислого гранатового сока, что это город совершенно азиатский и промышленный, напоминающий своей деятельностью американские города.

- Это ужас – этот Баку, – говорили мне, побывавшие здесь. – Все там отвратительно, улицы поливают мазутом, отброском от нефтяного производства,

воздух ужасный. Ветры – боры такие, что роняют идущих по улице. Интересного в Баку ничего нет. Всюду керосин и нефть – и больше ничего.

По правде сказать, я от Баку ничего лучшего и не ожидал. Даже само название «Баку» означало удар ветра и рисовало в моем воображении вывороченные зонтики, публику, ловящую свои шляпы, тальмы, перевернутые на головы, и тому подобные картины.

Вдали показался лес чёрных кипарисов. Лес не лес, а какое-то нагромождение черных пирамид, настоящий некрополь. Чем ближе, тем яснее вырисовывались эти чёрные, пропитанные нефтью, громадные конусы с обрубленными вершинами.



- Это Балаханы, - сказал мне сосед, - главное место добывания нефти. Эти чёрные пирамиды – это деревянные вышки. Они выстроены над буровыми

колодцами, из которых бьют или били нефтяные фонтаны.

- Как их много! - воскликнул я.

- Около четырёхсот. Отсюда нефть проводится по нефтепроводу в Чёрный городок на расстоянии восьми вёрст. Там её обрабатывают.

Поезд опять повернул, и передо мной раскрылось во всем великолепии Каспийское, безбрежное море, а на берегу его среди копоти и дыма виднелись сотни труб и чёрных зданий.

- Неужели это Баку?! – с ужасом воскликнул я, глядя на это пекло, на эти тучи чёрного дыма, копоти и смрада, закрывших небо, на этот хаос громадных зданий, круглых резервуаров, цистерн, чёрных стен, заводских труб и озёр мазута.

- Нет, это Чёрный городок. Мы подъезжаем.

Вид был поразительный, неописуемый.

Вокзал построен на пол-дороге между городом и Чёрным городком.

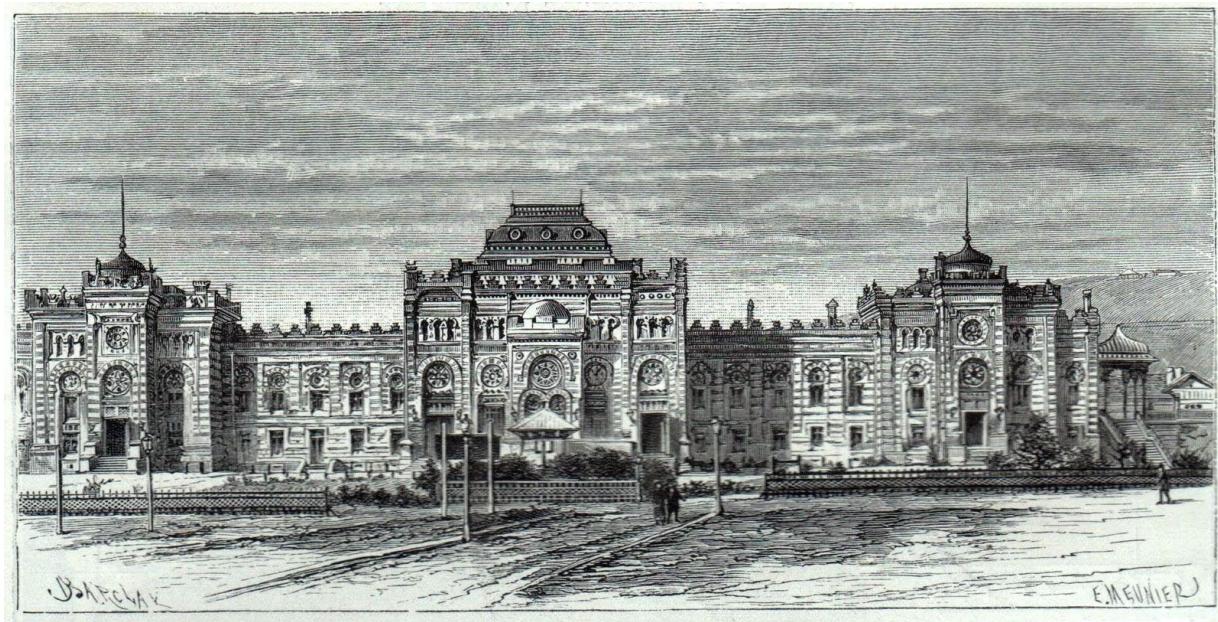
Попутчик рассказывал еще что-то, но я его не слушал, я высунулся в окно и жадно вглядывался во все лица на дебаркадере. Я искал моего дядю, который был извещён телеграммой о моём приезде.

- Вот он! – увидел я его. Он стоял в своем сером пиджаке, в мягкой войлочной шляпе, в очках, с красивой бородой, которой он так гордился, и усиленно пялил глаза, чтобы найти меня. Ещё минута, и мы лежали в объятиях друг друга. Такие минуты не передаются.

Успокоившись, захватив багаж, мы уселись на извозчика, и дядя повёз меня в Чёрный городок, где он жил и служил.

Этот первый день, хотя я и приехал в Баку в 7 часов утра, пропал для меня как для туриста бесследно.

Дядя был в отчаянии, что я не обратил внимания на татарский стиль вокзала, я ничего не замечал, как меня везли через какие-то рубы, рельсы, пустыри, а потом привезли в хаос смрада и дыма, в непроходимые дебри резервуаров нефти, наливных вагонов, заборов, фабрик, сараев и, наконец, привели в жилище дяди.



Тут начались новые родственные излияния. Мы были очень дружны и не могли не радоваться, надеясь на хорошие дни нашего совместного житья. Первым делом мы начали звонить в телефон. Баку вдоль и поперёк окутан сетью телефонов. Мы вызвали к телефону тётушку, начальницу гимназии. Когда я услышал её голос, я хотел обнять телефон. Я

Василий Сидоров. По России. Кавказ

стал рваться к ней, но дядя не хотел отпустить меня, не покормивши.

Как мы ехали через Чёрный городок, как проехали весь громадный Баку, как докатили до гимназии, лежащей на той стороне города, ничего не знаю.

Мне всё нравилось, всё казалось прелестным.

Город - живой, деловитый, блестящий, восхитительно лежащий вокруг залива, очень понравился мне, а когда увидел городской сад, я разинул рот от удивления.

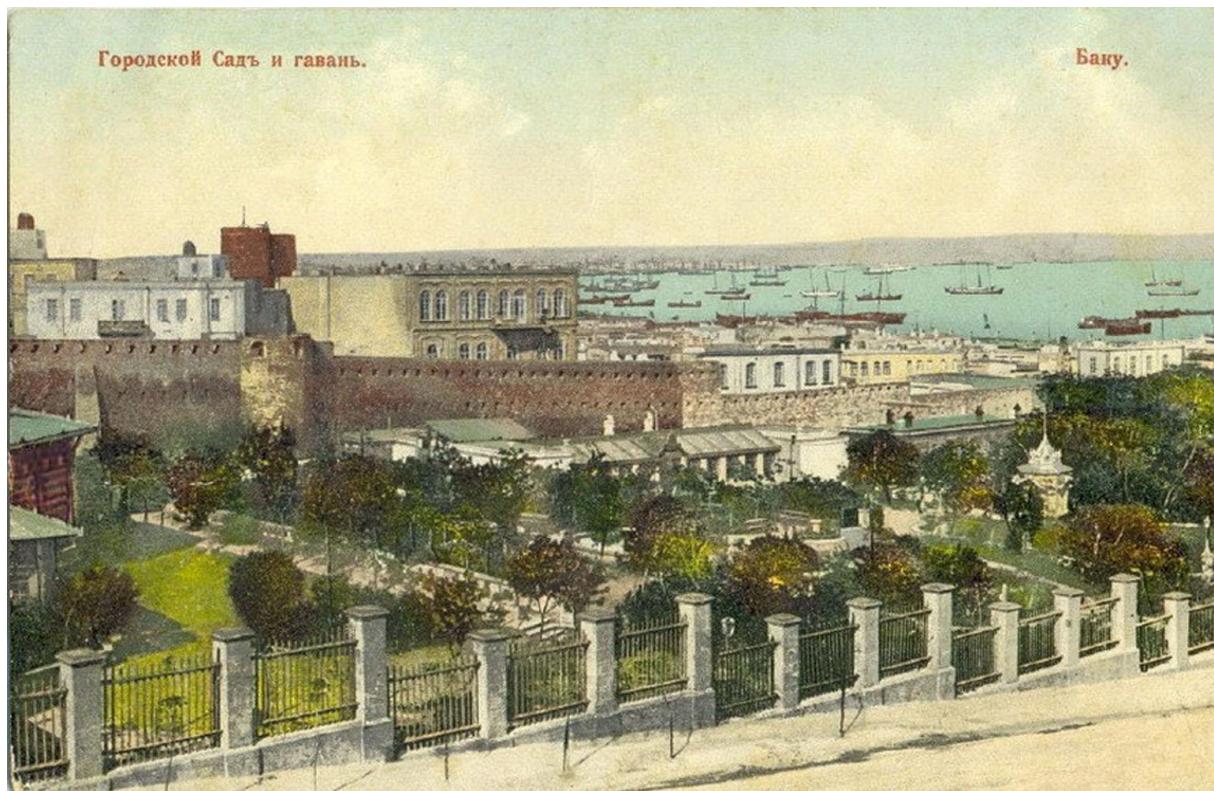


И вот мы в гимназии, в квартире тётки, тётка у меня в объятиях, я у тётки. Этот день пролетел, как один час. Мы говорили до хрипоты и восторгам свидания не было конца. Мы говорили о предполагаемой поездке и об экскурсиях в Ленкорань, где хотели провести неделю, все трое - я и мои дядя и тётя, все

одних лет, одних взглядов – тешились веселой перспективой этой ожидаемой поездки.

Когда тётка привела меня на балкон гимназии, кстати сказать, одного из лучших зданий города, высоко лежащего за городским садом, я пришел в восторг от дивного вида, раскрывшегося перед моими глазами.

У моих ног был небольшой городской сад, за которым высились стены крепости, спускаясь по горе к морю. Из-за крепостных стен торчали минареты, и башни, и курьёзные дымовые трубы, похожие на гигантские каменные бутылки натуральной зельтерской воды.



Девья (Девичья – ред.) башня, плоская с боков, словно сдавленная, поднялась над хаосом плоскокрыших домов у набережной; море, синее, залитое солнцем искрилось и светилось.

Вся дивная бухта Баку была перед моими глазами. Море образовало громадную подкову своим заливом, глубину которого занял город, поднимаясь улицами и зданиями в гору, одевая холмы и кряжи строениями, с одной стороны далеко вдался в Каспий Апшеронский полуостров, с его Чёрным городком, полным смрада и дыма, лежащим сейчас же за Баку и еще более далёким Белым городом.

С другой стороны залива вдался в море прелестный Баилов мыс с горбатой горой на спине и дополнил своеобразную панораму.

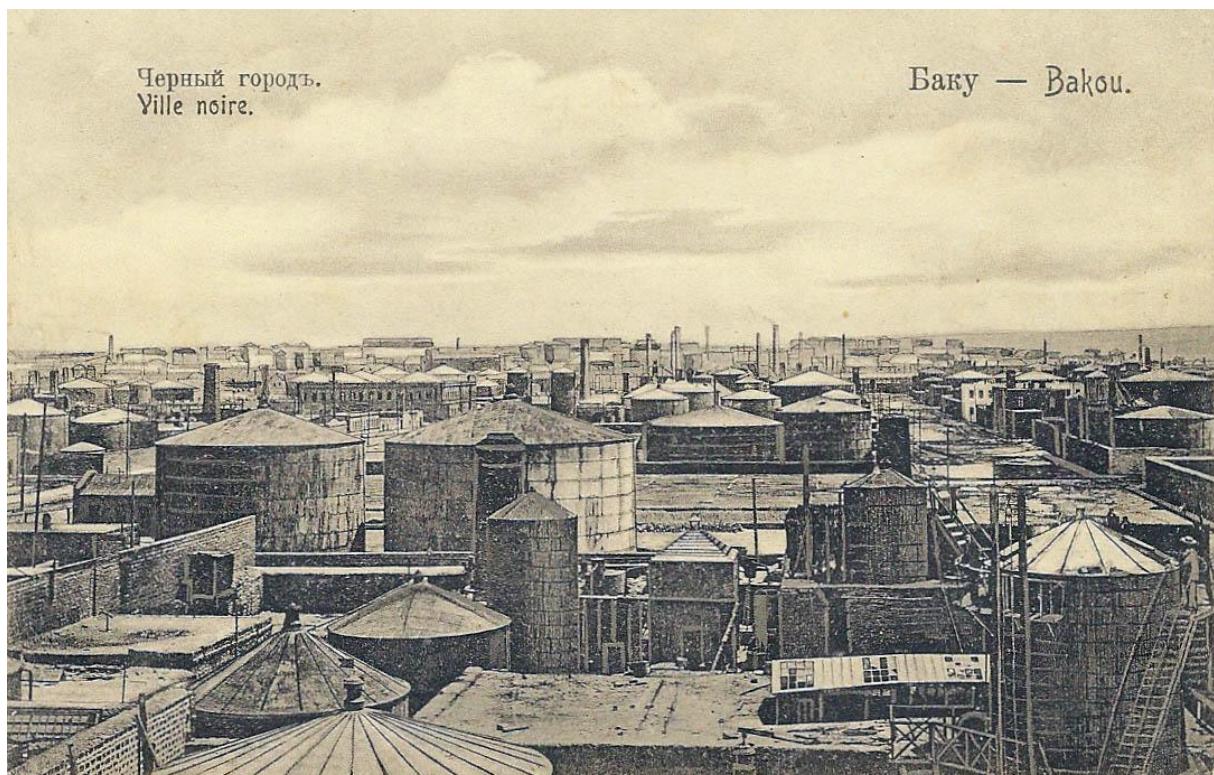
Помню, как очаровала меня картина и вид города, когда я подъезжал к нему на пароходе. Проехав острова, закрывающие залив, я словно очутился в колоссальном амфитеатре, опоясанном горами.

Баку, с видом напоминавший Тир, Сидон, Алжир, Смиру, суровый, каменный, с колокольнями церквей и минаретами, сползal, как каменный зверь, к морю, где торчала его курьёзная Девья башня.

- Разве не напоминает Неаполь? – говорил дядя. Действительно, это море, это небо, этот залив, эти мысы, острова – всё напоминало положение Неаполя и не могло не чаровать, не нравиться.

В Баку я прожил довольно долго, позже много раз приезжал сюда и дволь и поперёк исходил и изъездил его. Я жил в Чёрном городке, а день проводил у тётки в гимназии.

Мне так нравилась наша квартирка в Чёрном городке, наши разговоры до поздней ночи, наши утренние чаи и «последние» стаканы вина перед сном, что я всякий раз отказывался оставаться в городе и уезжал по пустынной местности, по отвратительной дороге среди луж мазута в Чёрный городок.



О, эти ночные путешествия! Помню, однажды дядя уехал по делам на несколько дней, а мне надо было ехать за вещами в Чёрный городок и, хотя ночь была чёрная и бурная, а тётка боялась и не хотела отпустить меня, я всё таки взял фаэтонщика и поехал.

Я всегда благополучно добирался до своего жилья, но на этот раз фаэтонщик вывез меня из Баку, провёз изрядное расстояние от города и вдруг ссадил меня в самом тёмном, в самом глухом и неприятном месте,

не желая испортить свой экипаж по скверной дороге. Мне пришлось покориться, отдать ему деньги за провоз и отправиться пешком дальше. Я увязал в лужах мазута, которые всегда приводили меня в ужас своей чёрной окраской с радужной недвигающейся поверхностью. Эти тяжёлые отбросы нефти даже не поддаются ветру, и масленые их озера стоят неподвижно на каждом шагу.

Я добрался благополучно до дому, но явился такой грязный, такой ужасный с виду, что служащие у дяди всплеснули руками и сначала не хотели пускать меня в дом. Пока я странствовал, телефон звонил от тётки, бывшей в недоумении, что меня нет так долго дома, и наделал много тревог в нашем жилье.

* *
*

9

Баку – интересный город, оживлённый, торговый, напоминающий города Нового Света. Он и русский, и персидский, и татарский в одно и то же время и весь окрашен в характерный жёлтый цвет. Здесь смесь Азии и Европы поражает гораздо больше, чем в Тифлисе, население так пестро, что можно с интересом долгое время наблюдать за уличной жизнью.

Самая блестящая часть города – набережная с превосходными домами, с тысячами судов на каспийских волнах, с вечным звоном конок, с суетой прогуливающихся пешеходов.



Здесь гуляет бакинская знать, здесь толкуются персы с их красными бородами, которые они окрашивают хной, растительной краской, здесь же полуоголый татарин растянулся на панеле и дремлет.

Ишаки, верблюды, мулы, лошади движутся перед вашими глазами, проезжают шикарные экипажи, скрипят высоченные, доисторические арбы, носильщики, продавцы всевозможных национальностей оглушают вас своим криком, персы с огненными ногтями и волосами в высоких бараньих колпаках стоят, как изваяния, у лавок.

Виды на море, на Байлово мыс, на Апшеронский полуостров восхитительны. Байлово мыс с его горой конусом, напоминающим вулкан, который уселся на оконечности полуострова, с его церквию и домиками тонет в лёгкой полуденной дымке.

Голые горы поднялись за Баку. Ранней весной они покрыты травой, но с мая солнце выжигает всякую растительность.

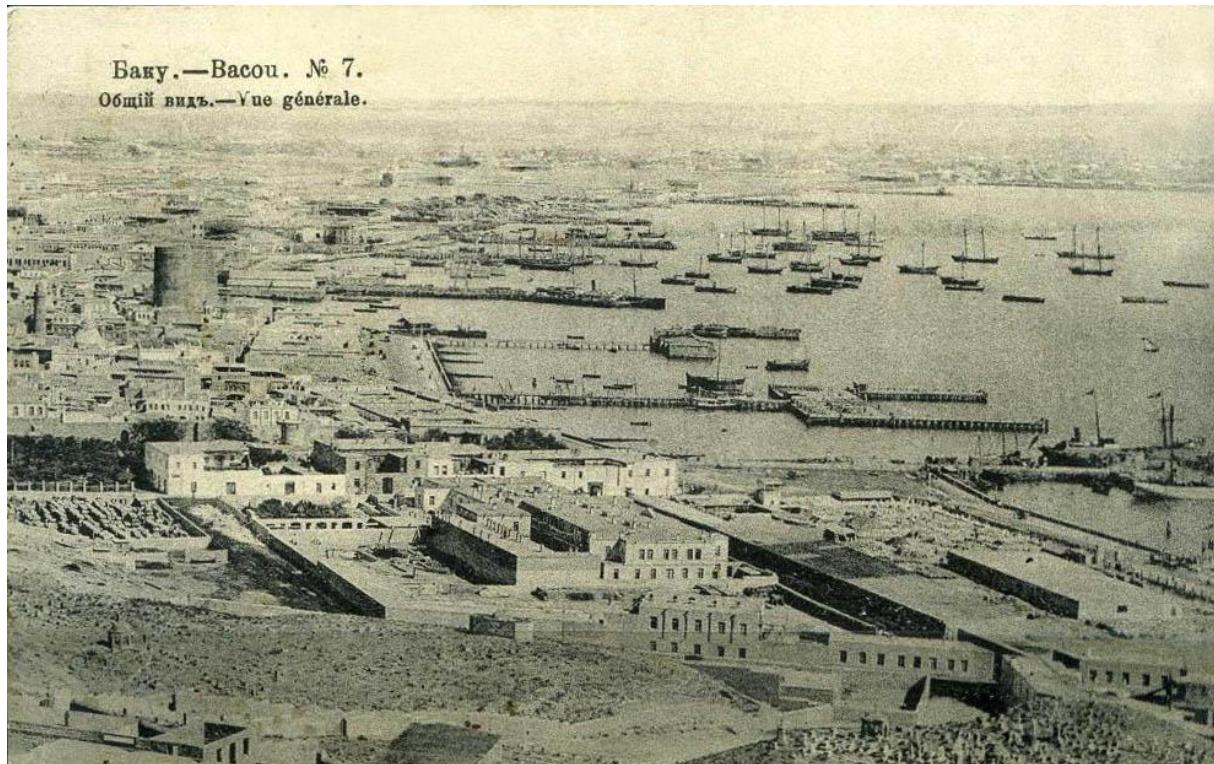
За гимназией высятся горы с кладбищами, унылыми кладбищенскими стенами и высокой красной башней на вершине одной из гор.

- Это опреснитель, - показывала мне тётка на высокую башню. – Город устроил его, чтобы опреснить морскую воду, и теперь мы не пьём более солёного чаю и не нуждаемся убивать его вкус гранатовым соком.



Длинные многочисленные молы и дамбы врезались в море. Тут все пароходные пристани. Но что за масса судов в Бакинском заливе, просто глазам не веришь! Весь залив наполнен ими. Тут и громадные пароходы, и наливные шхуны, и корабли, и барки, и

баркасы, и какие-то восточные струги, и широкие киржимы - и повсюду народ.



Всюду носильщики, согнувшись пополам, тащат неимоверные тяжести, всюду разгружают и нагружают. На молах стоят стены ящиков, мешков, тюков и корзин в ожидании, что их снесут на берег или на суда.

Дома на набережной все одного типа, все они плоскокрышие, жёлтые, двухэтажные, все в нижних этажах имеют лавки, кроме губернаторского.

Над всей набережной владычествует Девичья башня «Киз-Кайя» (Гыз-галасы – ред.). Она поднялась из хаоса домишек и проулков, по которым крайне мудрено найти вход в эту высокую и курьёзную постройку. Башня тоже жёлтая, плойчатая, словно она сложена от самого основания из каменных

пластов, имеет длинный узкий выступ в сторону моря.

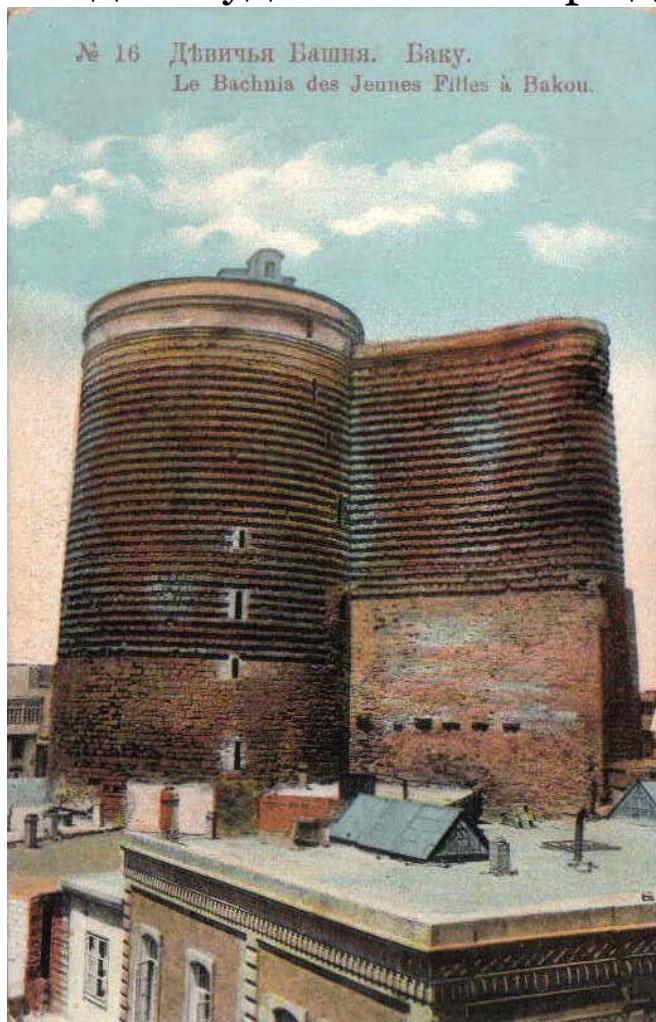
Легенда рассказывает, что эта башня стояла прежде в воде и будто в ней запер один из ширванских ханов

свою дочь, в которую влюбился. Спасая свою честь, девушка бросилась с вершины башни в море.

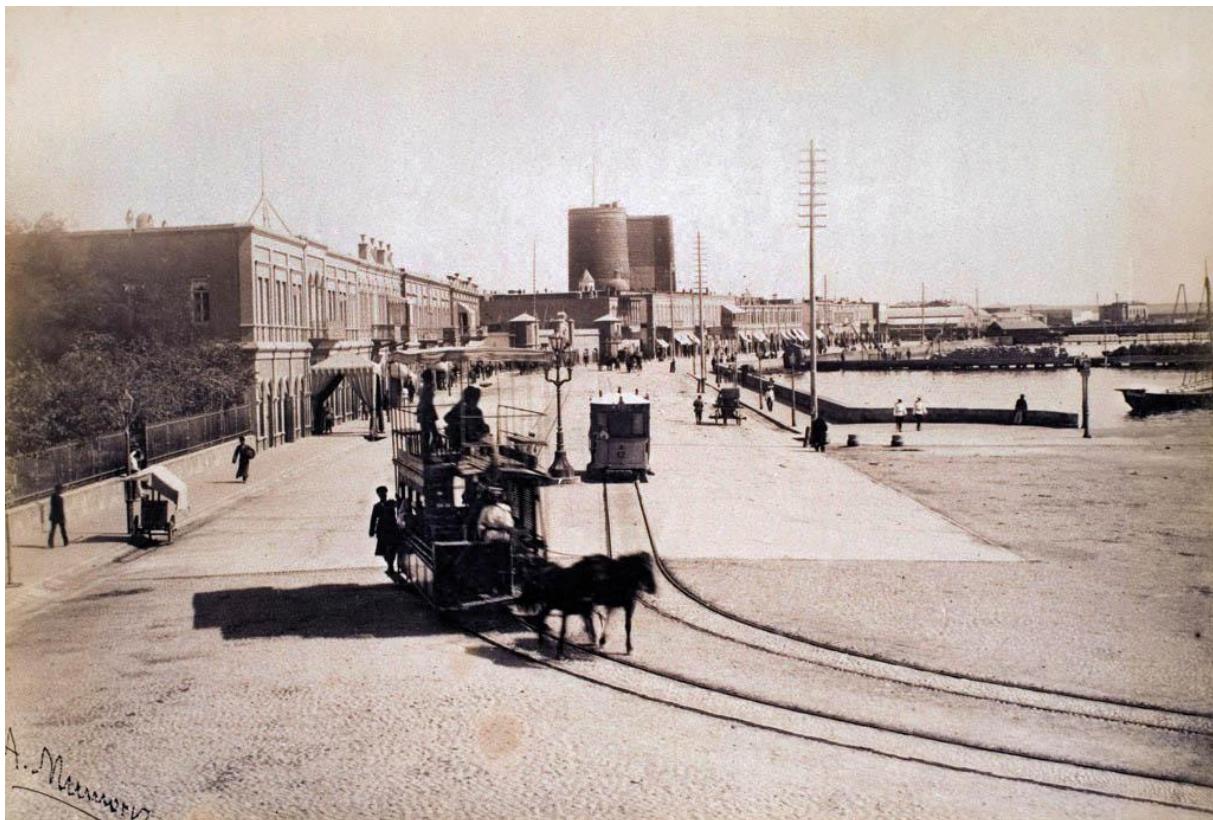
Теперь эта колоссальная башня, поднявшаяся на 20 сажен, служит маяком. Море отступило, и башня стоит в нескольких саженях от него. Довольно скверная тёмная лестница вьётся в этой башне и подымает вас на вершину, с которой открывается такой восхитительный вид на

залив, город, мысы и голые каменистые горы, окружившие Баку, что нисколько не жалеешь скверного подъёма.

Около дома губернатора через невысокую стену свесилась на набережную зелень деревьев небольшого городского, или Михайловского сада. Этот красивый сад – лучший в Баку. Здесь нигде нет ни воды, ни ручья, ни реченки, которые могли бы поить растительность, и поддержка и поливка сада стоит неимоверных денег.



№ 16 Девичья Башня. Баку.
Le Bachnia des Jeunes Filles à Bakou.



Первое, что меня поразило, - это отсутствие песка и земли. Все дорожки сделаны из кира.

- Это выветрившаяся нефть, смешанная с известкой - объяснил мне дядя. – Трава у нас растёт на клумбах. А вот экземпляр хлебного дерева. Это у нас диковинка. А тут фисташки.

Он водил меня от дерева к дереву.

Целые заросли живоблota, этого некрасивого кустарника, разваливающегося своими плетями, покрыли все свободные пространства сада, окружили группы гребенщиков и, не страшась жаров и засух, разрослись самым пышным образом.

- Мы здесь рады и живоблоту, хоть он даёт зелень, а без него - хоть пропадай.

И действительно, этот живоблот покрыл и Цицианский сквер, и другие садики и кладбища Баку.

Желтофиоли - эти «персиашки», как их здесь называют, росли в громадном количестве и составляли истинное украшение сада.

В Цициановском сквере с обелиском, поставленным в память князя Цицианова, здесь убитого, на террасе тоже желтели эти персиашки, украшая плешиевые газоны и отыскивая тень в тощих ивах, оливках, уксусных деревьях и под айвой, сплошь покрытой бледно-розовыми крупными цветами.

В городском саду играет музыка, собирая гуляющих. Здесь же ютится в зелени оливок, американского ясения и прелестной «персидской сирени» красивое здание, где помещается летом клуб, здесь же несколько фонтанов и прихотливых беседок...

Помню, как женская гимназия и реальное училище устраивали благотворительное гулянье, в устройстве которого я принимал живейшее участие. Повсюду играла музыка, гремели сазандары, а жёлтый дрок, которого так много здесь, в саду, покрыл все свои безлистные длинные плети ослепительно-жёлтыми мотыльками цветов.

Помню, как по вечерам мы гуляли по тёмным дорожкам сада и любовались чёрными тенями маслин и тополей и наслаждались чудными, тёплыми, лунными ночами.



С каким интересом мы все следили за разными распускающимися деревьями и цветами и как радовались, когда зацвели громадные жерди разноцветных мальв.

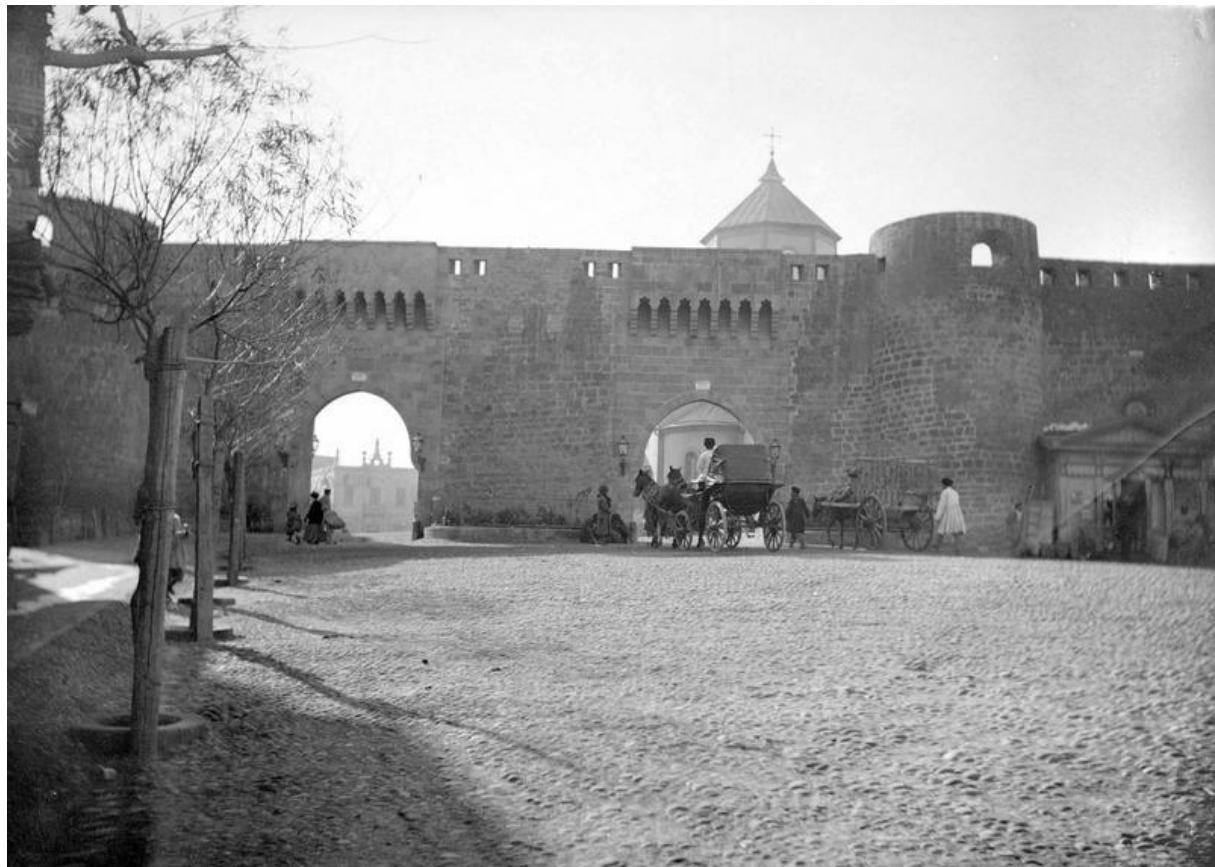
Я сжился с Баку и еще более с его общественным садом и приезжая то из Средней Азии, то из Ленкорани, то из путешествия по Дагестану или Армении, я первый мой визит делал этому милому тенистому саду, покрывающему откос горы и завивающему своими виноградами и ломоносами старые стены персидской крепости.

И что за пёстрая и интересная публика собирается здесь! Тут увидишь всех бакинских армян с их чёрными глазами и характерными носами, и персов, и татар, которые наслаждаются вечерней тишиной и чудными видами на далёкое синее Хвалынское море. Здесь снуют мороженники, одетые в белые, длинные

рубашки, разнося и бойко продавая свой холодный, а потому очень ходкий товар.

Весь новый Баку с его хорошими улицами, отелями, блестящими магазинами и садиками, окружил старую крепость, зубчатые стены которой так хорошо сохранились.

Вход в крепость с Думской площади – самый парадный. Здесь большие крепостные ворота Шаха-Аббаса.

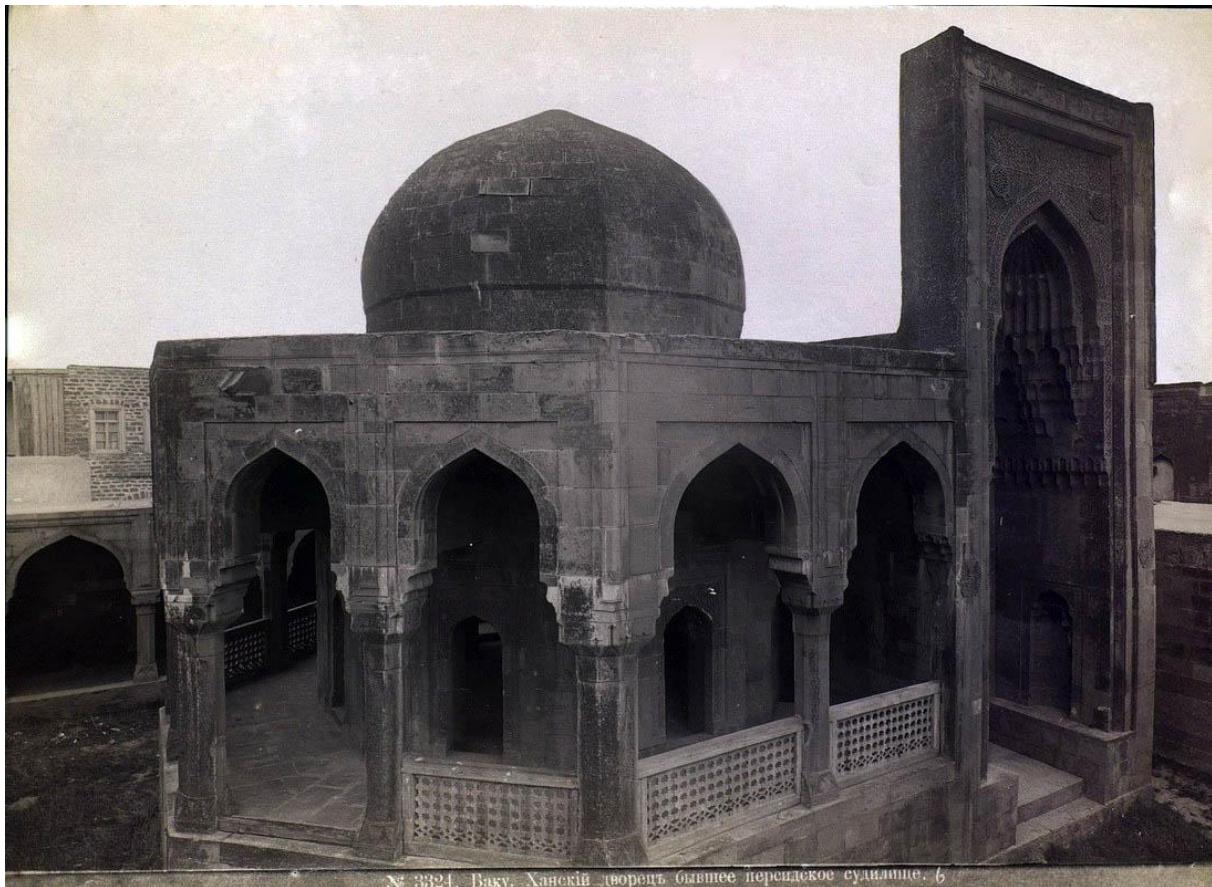


Я вошёл в них и очутился в старом городе, в этом лабиринте проулков, где мерно шагают ишаки, нагруженные тяжестями, где пестрота костюмов унесла меня на далёкий восток.

Весь старый город – это буро-жёлтое каменное гнездо самого безотрадного вида, из которого поднялись, словно выдавленные, минареты мечетей и громадный мрачный ханский дворец, когда-то великолепная резиденция ширван-шахов.

Я претерпел тысячи мытарств и всевозможных хождений, прежде чем получил разрешение и ключ от дворца. Мрачный дворец, почти без окон, окруженный высокими каменными стенами, представляет много интереса своими остатками прежней красоты. Там входные двери все окружены сетью персидских арабесок, цветов и листьев и заставляют вас остановиться перед ними. Внутри, в пустых залах дворца, мрачно и уныло, и все эти помещения ханов и шахов, когда-то обставленные с восточной роскошью, теперь служат складом артиллерийских орудий и никакого интереса не представляют.

Среди всего этого лабиринта комнат и помещений поневоле останавливаешься перед оригинальным зданием ханского судилища, или «Диван-хане», стоящего среди двора на возвышенной площадке. Это небольшое круглое здание, окружённое аркадами, с характерным восточным их вырезом. Залитое ослепительным солнцем, это судилище и его колонны бросали чёрно-синие тени на каменные плиты двора. Галерея у входа образовала роскошные гигантские ворота, ниша которых полна причудливых арабесок и ячеек.

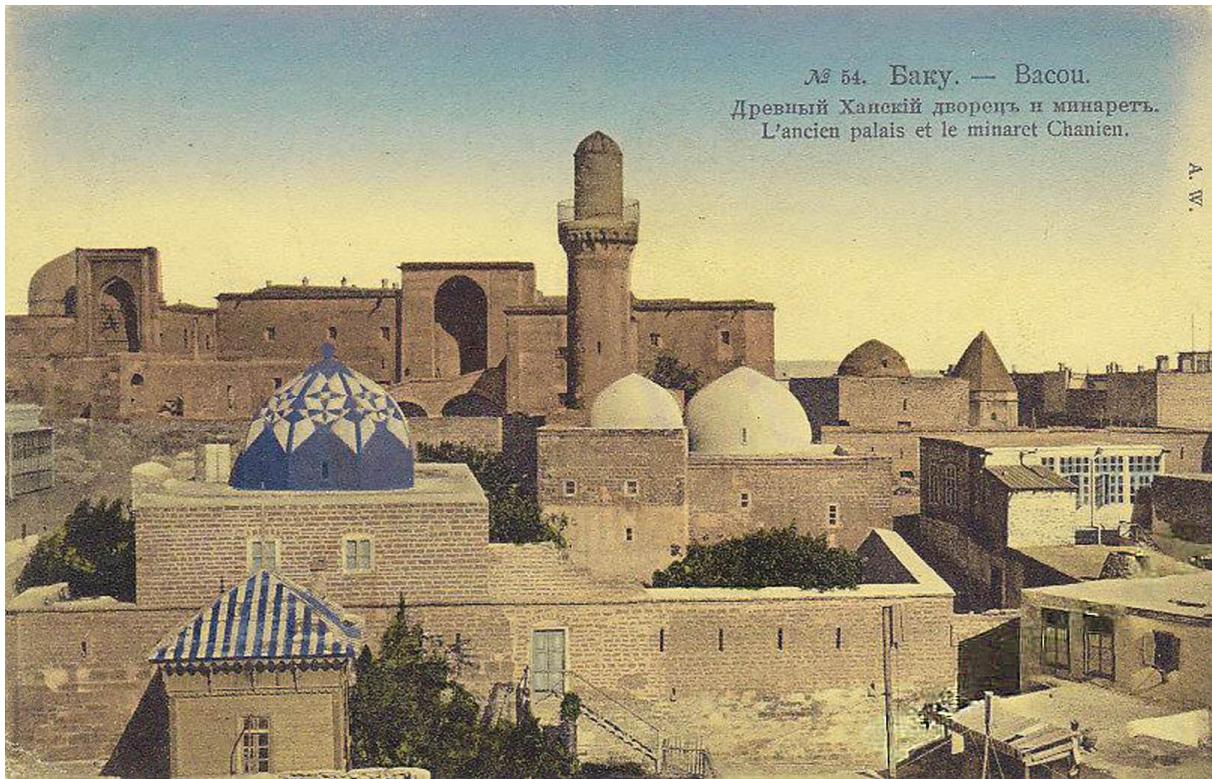


№ 3324. Баку. Ханский дворецъ бывшее персидское судилище. 6

Я поднялся по лесенке на площадку и вошёл в само здание.

Внутри, в середине небольшого прохладного зала, находится отверстие – колодец. Сюда подводили преступника, здесь рубили ему голову, которая падала в пропасть.

Здесь же около дворца стоят обе старые мечети, из которых одна просто поразила меня своими украшениями, а другая полуразвалина придала много красоты этому каменному гнезду своим высоким жёлтым минаретом. Купол первой мечети весь в голубых израцах и её фасад – сплошное каменное кружево.



Бродя по лабиринту душных, узких, как коридоры, улиц, прижимаясь к стенам домов, чтобы дать дорогу осликам, переходя из закоулка в закоулок и спускаясь по крутикам и лесенкам, я невольно останавливался перед этими красными галереями и балкончиками, висящими над улицами, перед этими пёстро-разрисованными ставнями, большей частью ярко-синими, перед этими бронзовыми лицами в длинных халатах, в зелёных чалмах, в белых тюрбанах, в красных фесках.

20

Наконец, я спустился к подножию крепостного холма и попал в Тёмные ряды. Это длинный, крытый коридор, сплошь застроенный лавочонками, переносящий нас, как тифлисский армянский базар, в область восточных сказок. Тут и эмали, и восточные серебряные украшения, громадные

брошки, груды бирюзы, тут и без умолку стучащие молотами кузнецы и ткачи, иголки которых сверкают, как молнии, и шапошники, и сапожники, лавки которых представляют любопытные выставки, и повара с шипящими котлами и бесконечными лавашами. Шум, гвалт, пестрота – неописуемые!

Шелка, вышивки, всевозможные восточные материи, великолепные пёстрые ковры, шали и шарфы в несколько аршин длиной, такие тонкие, что их можно свернуть в клубочек, который поместится в скорлупу грецкого ореха, пёстрые чадры, груды винограда, апельсинов, восточных сладостей и, наконец, сами продавцы, эти черноглазые персы, армяне, татары в их удивительных костюмах - всё уносило меня в область фантазий.

Боже, до чего приходится здесь торговаться с продавцами, которые сначала запрашивают тройные цены и постепенно сбавляют их по мере того, как покупатель сердится, уходит, возвращается. Невозможно не накупить всевозможных восточных платков, вышивок, туфель и всевозможных восточных мелочей для подарков.

Крепостные стены прорваны несколькими воротами, и одни из них, называемые «верблюжьи уши», выходят на большую пыльную площадь, на которой в базарные дни царит суетолока и куда съезжаются караваны верблюдов.



У крѣпостной стѣны въ Баку.

- Одна из неприятных сторон нашего города – ветры – сказала мне тётка. – Они-то и обрывают всякую растительность.

Мне не раз пришлось испытать эту «приятность». Северный ветер начинает дуть с невероятной силой.

- Норд, - говорят бакинцы и, хотя они и привыкли к нему, так как норд дует чуть ли не трижды в неделю, они морщатся.

Норд дует с такой силой, с таким остервенением, что взымает тучи пыли и сора, обрывает ветви, опрокидывает прохожих, бьёт в лицо песком и немилосердно свистит и воет. Порою норд, обязательно дующий не менее суток, обращается в ураган и тогда город пустеет, все прячутся в дома, а на улицах царит светопредставление. Ветер пронизывает насквозь, как иголками, и порождает много болезней.

- У нас нельзя было бы поливать водой улицы. – объяснили мне бакинцы – Такой ветер высушил бы их в несколько минут и едкая каменистая пыль понеслась бы тучами, потому у нас поливают все улицы мазутом, отчего весь город ужасно пахнет керосином. Мазут, этот отбросок нефти, каменеет и тем скрепляет пыль, не давая ей возможности носиться в воздухе.

В день моего приезда я отправился в город в резиновых калошах - и как было велико мое удивление, когда с прогулки я пришел в калошах без подошв. Мазут имеет свойство растворять резину, и моя неопытность была наказана, а мы долго и много хохотали над погибшими калошами...

Сколько раз я ни бывал в Баку, сколько ни глядел на город, я не мог привыкнуть к его пустынности, и эти голые горы поражали меня постоянно и своей голытьбой, и своей суворостью.

Помню, как в один прекрасный вечер мы отправились к опреснителю, к той самой красной башне, которая, усевшись навершине одной из гор, перерабатывала морскую воду в пресную.

Долго мы карабкались по каменистым тропам русского и татарского кладбища, с его косо стоящими надгробными плитами. Долго мы взирались по дорожкам, выбитым в раковистом известняке, из которого строятся все новые здания Баку, а также и новый большой православный собор, который сидя в высшей точке города, придаёт много красоты общей его панораме.



Маленькие красные ноготки, огненные гори-цветы и один крошечный лютик обильно покрыли края нашей тропы, но вскоре и они пропали, и только одно лиловое крестноцветное да очиток, сидящий жёлтыми щитками на камнях, преследовали нас до самой вершины.

На пол-горе мы осмотрели нижний опреснитель, в который вода проведена трубами из моря и, лишенная солей, низвергается водопадом, чтобы она успела насытиться кислородом, которого лишена. Для большей насытительности кислородом, придающим настоящий вкус воде, вода поднята трубами на вершину горы в верхний этаж красной башни, откуда громко шумящим водопадом низвергается в резервуары. Отсюда она идёт в город, где за ведро дистиллированной воды город берёт по 2 копейки.

Что за дивный вид развернулся передо мною, когда я уселся на один из камней около башни.

Баилов мыс со своей церковью врезался далеко в море, которое сияя и блестя, убежало к горизонту, качая пароходы, баржи и лодки. Дамбы и молы, как громадные пальцы, отбежали от набережной, изогнутой под углом.



По ту сторону залива виднелись Чёрный и Белый городки, а внизу, у моих ног, лежал Баку, этот город-крепость, с его плоскими крышами и с высокой башней Девы. Меня поражала величина города, особенно отсюда сверху.

Сумрак ложился с изумительной скоростью на всю окрестность. Море полиловело, подёрнулось розовыми струйками и словно накинуло тёмный

плащ, а на набережной, как великолепное ожерелье бриллиантов, загорелись фонари...

Небо было такое розовое, без единого облачка, тишина стояла поразительная, только водопад опреснённой воды рокотал в опреснителе, и мне так захотелось лететь, распустить мощные крылья и нестись над морем, над островами, туда, туда в безвестную даль, в те лиловые туманы, которые закрыли горизонт.

Чёрный городок. Биби-Эйбат. Балаханы. Вечные огни и грязевые вулканы

Там воет бездна, буря снищет,
Туман окружный ядовит,
Голодный волк во мраке рыщет.
Змея клубится и шипит.

(Козлов)

Милый Чёрный городок, называл я наш хаос нефтяных заводов, цистерн и труб – и называл его таким образом вполне искренне, хотя всегда и от всех слышал самые нелестные прилагательные нашему городку.

Что правда, то правда, и я должен сознаться, что вид Чёрного городка был и есть крайне неприятен. Это груда развалин, серых стен, плоскокрыших амбаров, разделённых лужами и озёрами мазута, с их незыблемой разноцветной поверхностью, это скопище цистерн, чёрных, душных, промасленных, от которых веет копотью и жаром, чёрных высоких труб, вечно изрыгающих клубы дыма и смрада.

27

Все свободные пространства от заводов, цистерн и домов сплошь изрыты, переворочены и исковерканы, словно здесь прошёл Мамай, все углубления наполнены мазутом, с его удушающим запахом и вдоль и поперёк все эти места покрыты сетями труб. Труб, от самых толстых до самых тонких, здесь такая масса, они переплелись такою сетью, что ежеминутно надо прыгать и шагать через эти чёрные, прокопчённые нефтепроводы.

Рельсы железной дороги изрезали Чёрный городок, пробегая по насыпям, валам, проколотым теми же нефтяными трубами.

Здесь я ежедневно приветствовал особый локомотив «Ферли», который усиленно работал целые дни, перевозя вереницы наливных вагонов из Чёрного городка на вокзал. Это двойной курьёзный локомотив, словно сцепили два локомотива один с другим задами.

Тысячи наливных вагонов торчат на каждом шагу, а у берега качаются массы наливных шхун, вбирающих промасленными чёрными кишками нефть.

Конно-железная дорога связала Чёрный городок с городом Баку и, проезжая в вагоне, каждый раз удивляешься этому продушенному нефтью душному Чёрному городку.

28

Караваны верблюдов шагают по его изрытым, прокалённым улицам, качаясь, как корабли, и презрительно глядя на людскую суету. Сколько величия, сознания труда и презрения в умных глазах этих мешковатых громадных животных, с их крепкими, выносливыми ногами.

Как мерно, как неторопливо выступает верблюд, этот работник-фанатик, этот курьёзный зверь с овечьей физиономией, в которой светится сознание труда.

Всякий раз, когда я встречал верблюдов, я с почтением глядел на них, на этих уродов животного царства, которые окидывали меня таким холодным взглядом, говорившем мне: «Эй, ты, турист, что ты смотришь на нас? Мы, дети труда, презираем всех, кто ленится и не исполняет свой священный долг. Жизнь – это труд».

Согнутая шея верблюда, словно созданная самой природой для ярма, его горб, приспособленный для переноски невероятных тяжестей, его ноги, крепкие и сильные, снабжённые громадными копытами, его крепкие губы, неразрываемые и неуязвляемые колючками растений песков – всё сделало верблюда кораблём пустынь, вечным работником, философом, сознающим, что работа – его назначение.

Маленькие ослики с удивительной ловкостью семенили своими ножками по улицам Чёрного городка, не смущаясь ни мазутовыми лужами, ни трубами, и, нагруженные корзинами, производили впечатление будто груз идёт сам, так как даже уши их нередко исчезали под поклажей.

Над Чёрным городком перевились густой сетью проволоки телеграфов и телефонов, а над ней остановилась чёрная туча дыма и копоти, закрывающая синее небо и бросающая душную полутень на из без того прокопчённый и удушливый городок.

Растительности здесь нет никакой, только пучки трав, пропитанные нефтью, коричневые, словно морские губки, увеличиваю уныние пейзажа. Только один прелесный, распускающийся в июне выюнок украшает местами низины. Он весь покрыт белым войлоком, так что имеет серебряный вид. Этот войлок служит ему защитой и даёт возможность раскрывать свои белые, глубокие воронки цветов. Выюнок не пахнет, если бы он был душист и он должен был бы пахнуть нефтью и мазутом.

В мае повсюду цветёт душистый дикий гелиотроп, сплошь закрывающий своими белыми щитиками целые песчаные пространства, да позже стелются каперсы и верблюжья трава.

Когда подъезжаешь к Баку на пароходе, Чёрный городок, как чёрное пятно, вырезается на фоне Апшеронского полуострова и составляет удивительно резкий контраст с жёлтобурым пейзажем берега, ярко залитым солнцем.

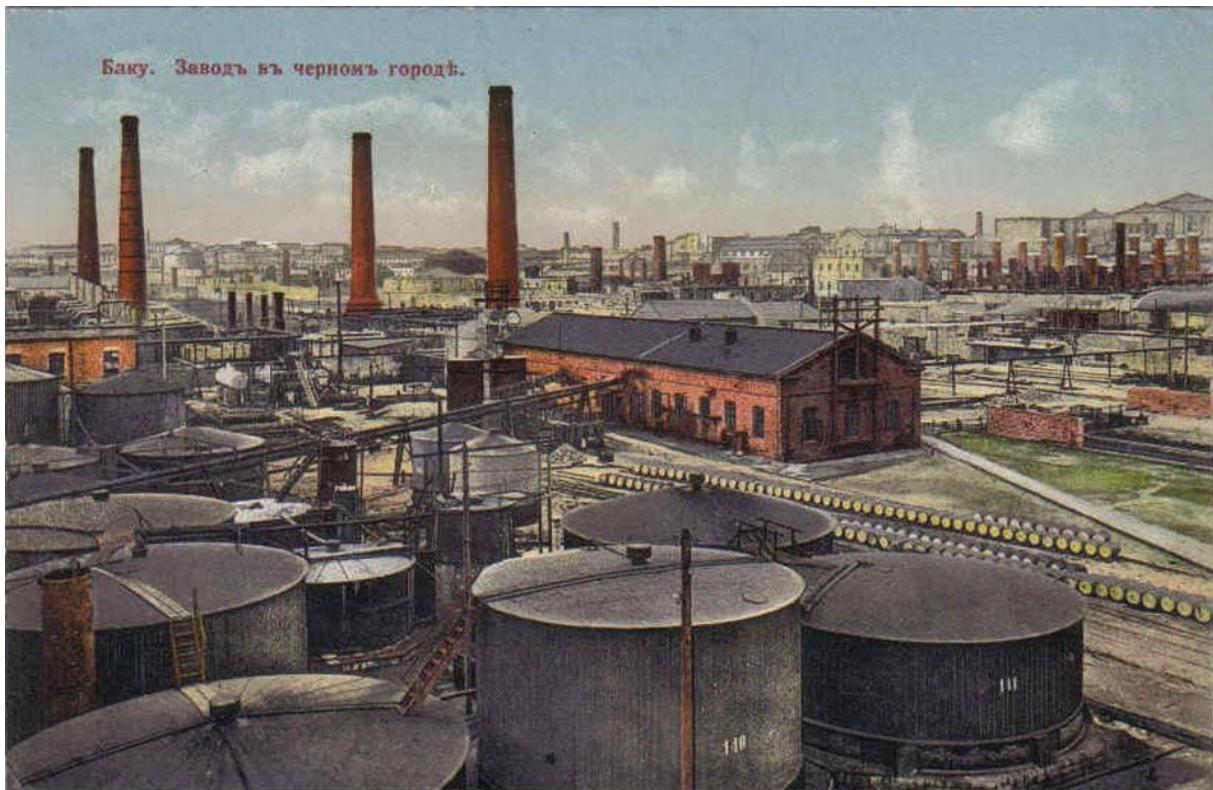
- Здесь перерабатывается вся добытая в Балаханах нефть в керосин и бензин. – сказал мне дядя. – Немудрено, что здесь всё прокопчено. Отбросы от этого грандиозного производства пропитали здесь и почву, и воздух. Но у нас здесь большое благоустройство в Чёрном городке. Теперь уже провели к нам из Баку шоссе, ходит конка, повсюду на заводах электрическое освещение. Здесь скопище разных нефтяных заводов. Главный из них – Villa petrolea Нобеля, и её мы должны осмотреть.

В один прекрасный день мы отправились на громадные Нобелевские заводы. По просьбе дяди нам отрядили опытного проводника, и мы окунулись в это керосиновое море.

- Я очень хорошо понимаю, – сказал я дяде, когда мы ходили по заводам, - что всё богатство, вся жизнь Баку – это нефть, что нигде нефтепромышленность во всём мире не имеет таких грандиозных размеров, как здесь, что у вас это главная достопримечательность, альфа и омега всего, что вы живёте только нефтью, но это дело меня не увлекает.

Нефть, добытая бурением, которое даёт громадные фонтаны, проведённая по трубам из Балаханов сюда на завды, поступает в громадные котлы, вмазанные в целые ряды гигантских печек.

- Мы топим все печи мозутом, - объяснял нам путеводитель. – Из котлов в холодильники проходят легчайшие части: бензин и газолин, и оставшаяся в котлах нефть поступает в новые котлы, где новым нагреванием выделяется из неё керосин, а из остатка уже выделяются масла.



Трудно представить себе все эти котлы, все эти отделения, где обрабатывают бензин, газолин и керосин. Эти колоссальные насосы, забирающие морскую воду в бассейны и рассылающие её по холодильникам, все эти водопады и ручьи керосина и бензина, все эти громадные этажи котлов в

масляном отделении, где из мазута постепенно отделяется сначала соляровое масло, затем веретянное, затем машинное и, наконец, цилиндровое, самое дорогое, тяжёлое, густое и получающееся в очень небольшом количестве. Как отброс от переработки мазута остаётся гудрон. Масла для очистки обрабатываются серной кислотой, которая окрашивает их в синий цвет, а при отделке их щелочью, они получают молочный вид и, только отстоявшись, выделяют чистое масло.

За Баиловым мысом находится местечко Биби-Эйбат, где на заводах Тагиева добывается и обрабатывается масса нефти.



Я отправился туда в экипаже и воспользовался случаем посмотреть одну из здешних

достопримечательностей – подводное строение, находящееся в нескольких саженях от берега.

- Это баиловы камни, - объяснили мне, - вершины башен или былого здесь караван-сарайя, или остатки древнего города Баила, затопленного морем, вследствие опускания почвы.

Более безотрадной местности, как Биби-Эйбат трудно себе и представить. Как только мы въехали на пригород Баилова мыса, целым лесом поднялись предо мной чёрные, прокопчённые пирамиды и нефтяные вышки. Среди песков изрытой местности, на скучном берегу, пропитанном нефтью до того, что при наступании ногой на месте следа показывается нефть, лежит Биби-Эйбат.

- Совсем, как по болоту ходишь, - воскликнул я, когда бродил с управляющим по заводу. Управляющим оказался мой старый знакомый, которого я знал ещё в Сибири.

- Видите, как нефть работает? – указал он мне на нефтяной фонтан.

Громадный столб нефти со страшной силой вырывался из земли и поднимался на громадную вышину.

Чтобы избежать растраты нефти, над фонтанами строят деревянные пирамидообразные дома, в которых помещают на известной вышине толстые стальные плиты, чтоб не давать нефти подниматься на десятки сажен и даром разбрасываться во все стороны.

- Нефть вырывается с такой силой из земли, - говорил мне управляющий, - поднимает так много

песку, что эти толстые стальные плиты ломаются от ударов фонтанов и их постоянно приходится менять.



2047. Баку. Бибейбатъ фонтанъ Тагиева.

- Фонтаны бьют обыкновенно, - продолжал он – так сильно только в начале, потом приходится добывать нефть из земли жеронкой, громадной трубой с клапаном, закрывающим трубу, если тащить её из земли, и открывающимся внутрь при всаживании трубы в землю, что даёт возможность наполнить трубу нефтью и вытащить её.

Я видел эти чёрные длинные трубы, исчезающие от действия машин под землёй и выскакивающие на громадную вышину, чтобы излить бурую нефть в чаны и бассейны и снова погрузиться в тёмные недра земли.

Здесь, в Биби-Эйбате, те же цистерны с бензином, те же колоссальные трубы завода, те же ряды печей, та же жара и пекло, тот же воздух, пропитанный нефтью, те же редкие пучки трав, смоченные, как губки, нефтью. Здесь всё пропитано нефтью и никуда от неё не уйти.

В один из моих позднейших приездов в Баку в биби-Эйбате открылся колоссальный и давно ожидаемый нефтяной фонтан. Весь город чуть не ежедневно ездили любоваться этим необычайным зрелищем, этим грохотом и рокотом вылетающей массами нефти, наполняющей большие и заранее вырытые для того озера. Мы тоже полетели в Биби-Эйбат.

Столб нефти страшно клокотал, запертый в вышке, по бокам которой текли водопады прорывающейся наружу нефти. Что-то необычайно величественное и могучее в этом вылетании нефти из земли, словно рухнули таинственные двери, и она с титанической и ужасающей силой полетела из далеко скрытых недр, выбрасываемая высоко на землю.

Около Биби-Эйбата любопытно морское явление. Со дна моря вырываются углеводородные газы, которые, будучи зажжены, горят над морской поверхностью.

Помню, как мы ездили в лодке в большой компании на морские огни. Вечер был тёплый и тихий, что редко выпадает на долю Баку.

Подъехав к определённому месту, мы зажгли бумагу и бросили её в воду. Я ожидал, что она тотчас же потухнет, а, к моему изумлению, над водой взвился синеватый язык огня. При лёгком ветерке он трепетал и перелетал с места на место, как бабочка,

готовая опустится на цветок. Вблизи первого загорелся второй огонь, далее третий. Огни догоняли друг друга, сливались, разделялись, бежали за нами и мерцали каким-то таинственным призрачным синеватым светом. Так странно было видеть это горящее море, эти языки огня, лижущие морские струи.

Их погасит сильный порыв ветра, а до тех пор они будут гореть, как горят в эту минуту. Прежде только сильный норд мог затушить это горящее море, но с тех пор, как пробиты были большие скважины в Биби-Эйбате и фонтаны выбросили массу нефти, морские огни ослабли и сильный порыв ветра уже в силах задуть их.

В Балаханы, главное место добычи нефти, я тоже ездил в экипаже, взяв фаэтонщика на целый день. Выехав на шосе около вокзала железной дороги, мы поехали вдоль рельс, над которыми, как чёрные журавли, расселись громадные краны для наливания нефти в вагоны.

Дорога шла по унылой степи, поросшей местами маленьkim некрасивым лиловым маком, жёлтым крестовиком и горицветом.

Скучная песчано-солонцеватая пустыня раскинулась во все стороны и только несколько татарских лачут и колодцев прервали однообразные дороги. Вдруг я стал замечать среди порослей крошечных огненных ноготков, которые образовали дерновины и резко светились своими маленькими кирпично-красными солнышками, мне совсем невиданные цветы.

Чем дальше мы отъезжали от Баку, тем чаще попадались эти неведомые жёлтые цветы. Это были целые букеты цветов на совсем безлистых стеблях, которые несли под землёй клубни, совершенно похожие на картофель. Жёлтые, легко облетающие венчики, с красноватыми тычинками с чудным запахом весны, свежести и какой-то экзотической орхидеи совсем пленили меня, и я узнал в них странное растение из барбарисовых *Bongardia Rauvolfia* С.А.М., которая встречается только в этих местах. Я нарывал громадный букет и с упоением вдыхал его чудный аромат и наслаждался цветами, большой бакинской диковинкой.

Вдали показались Балаханы, снова напомнившие издали чёрную кипарисовую рощу. Проехав солёное озеро, мы поднялись в гору к Балаханам, пропитанным нефтью. Множество бассейнов, полных нефти, соединённых канавками, изливались в громадное нефтяное тёмное озеро – главный нефтяной резервуар, около татарской деревенки Сабунчи, откуда направлены трубы в Чёрный городок.

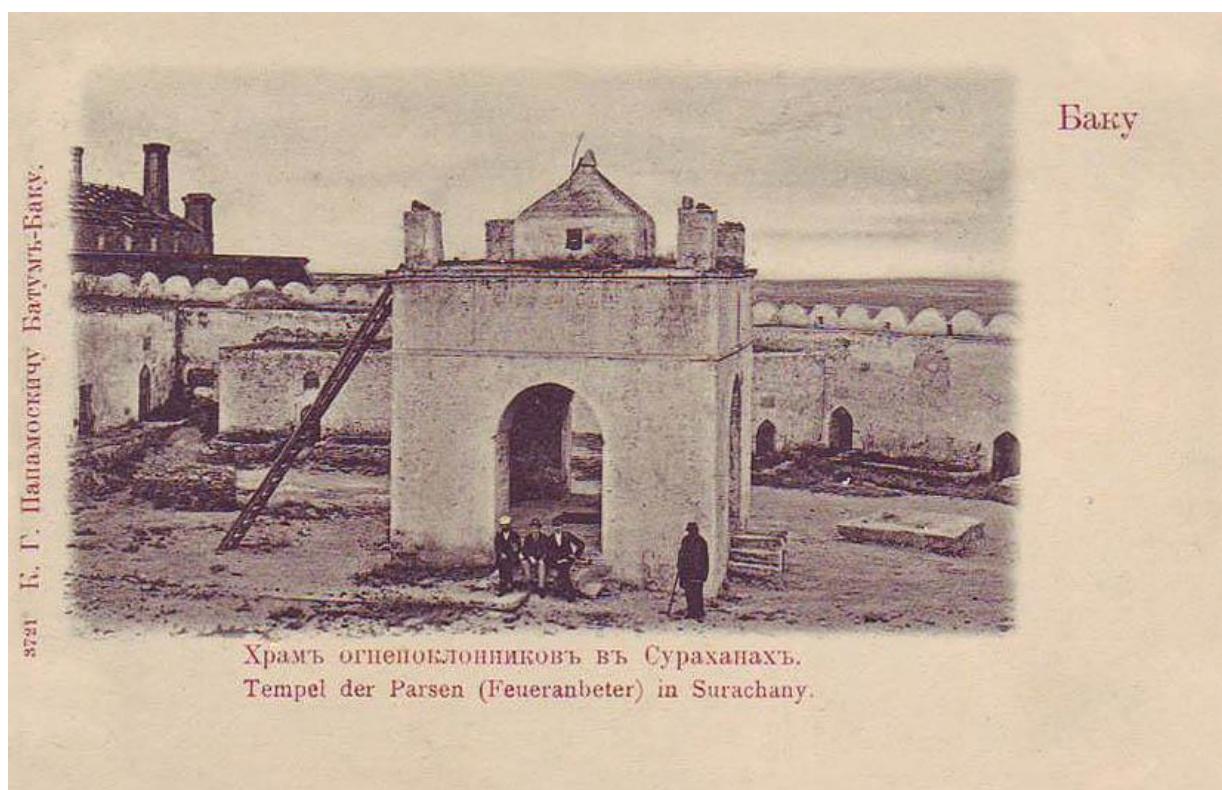
- Здесь более 400 колодцев, - сказал мне дядя, - из них добывают до 40 миллионов пудов нефти.

Осмотрев «Балханы», или Балаханы, мы двинулись в Сураханы и въехали в татарскую деревню, узкие проулки которой напоминали коридоры, а мечеть с большим голубым куполом красиво блестела на солнце. Дома, сброшенные в кучи, имели на крышах громадные белые цилиндры вроде дымовых труб.

- Это трубы от бань, – объяснил фаэтонщик.

Чёрные скалы из плитняка, продырявленные пещерами, слепо глядели на нас. В этих пещерах обжигают известь. Вскоре около Сураханов мне пришлось увидеть в действии подобные известково-обжигательные печи. Здесь это просто. Выроют яму, наложат извести и зажгут выделяющийся из земли газ.

Весь Апшеронский полуостров пропитан нефтью и газами, и в Сураханах завод Кокорева отопляется этим натуральным газом, который вырывается из жерла высокой трубы, поставленной среди двора, и служит по ночам для освещения.



Рядом с этим заводом находятся вечные огни в знаменитом монастыре огнепоклонников. Долго я бродил вокруг его белых зубчатых стен и никак не мог попасть в него, пока откуда-то не появился

сторож. Он открыл мне ворота, и я вошёл во двор знаменитого капища. Пустой тихий монастырь представляет большой четырёхугольный двор, окружённый белой каменной стеной с зубцами.

Прежде, когда монастырь был обитаем, над каждым зубцом горело пламя.

Среди двора уселась четырёхугольная башня, белая, как стены. Здесь огнепоклонники сжигали трупы своих сотоварищей. Другая четырёхугольная башня поднялась над старыми воротами, испещрёнными какими-то надписями. На вершине этой башни, по четырём углам трубы с пылающими в них языками натурального газа. В толстых стенах стоят пустые, мрачные келии с трубами натурального газа. Здесь жили гербы – огнепоклонники, эти фанатики-индусы, сохранившие до наших дней культ огня, здесь творили они молитвы, облекаясь в свои белые одежды, зажигая огни и звоня в свои бубенчики.

Последний индус уехал в Индию в 1880 году. С тех пор монастырь совсем опустел, погасли его огни и только над входной башней, где жил настоятель и глава огнепоклонников, до сих пор пылает яркое пламя. Почва в этих местах до того пропитана газом, что он вырывается из каждой трещины, из каждой щели и стоит его зажечь, чтобы он горел неугасимым огнём.

Маленькие татарчата, бежавшие оравой за нами, как кроты, копались в земле, зажигали спичкой вырывающийся газ и протягивали, конечно, руку за деньгами.

Как пусто теперь в этом заброшенном монастыре, среди этих белых стен и башен, среди этих нескольких неугасимых пылающих огней, которые

горестно и трепетно пылают, оплакивая своё одиночество и сиротство.

Соседний завод Кокорева отвел часть труб в своё владение, и теперь над вершиной его высокой трубы, освещая по ночам окрестность, пылает это фантастическое пламя, которому поклонялись люди, и глядит в тёмную долину, когда-то полную таинственной поэзии и ужаса, трепетных призрачных огней, наводящих на людей страх, а теперь служащих для обжигания извести.

Не только Апшеронский полуостров пропитан нефтью и углеводородными газами, но и та Муганская степь, которая на большое расстояние вдалась от берегов Каспия в Кавказ и окружила Баку ужасными песками, также полна ими и обнаруживает вулканические явления.

Окрестности Баку изобилуют грязевыми вулканами, или сальсами, и не видеть их было положительно непростительно. После храма огнепоклонников, после морских огней, которые производят неотразимое впечатление пылающего моря, после этой поездки в лодке среди нежгучей атмосферы пламени, которое обступает вас со всех сторон, горит, поднимается стенами, то подступает, то убегает, грязевые вулканы оставляют не менее сильное впечатление. Одно путешествие по песчаной пустыне стоит, чтобы предпринять эту любопытную поездку.

Однажды после обеда мы решили ехать на Волчьи ворота, которые славятся в Баку своим удивительным видом. Нас была весёлая компания,

которая в несколько минут собралась, уселась в фаэтоны, и мы покатили за женскую гимназию по крутым улицам, мимо больших кладбищ, прямо на горы за башню опреснителя. Это было ранней весной, и все горы были ещё зелены. Виды на залив и Баку заставляли нас восхищаться ежеминутно. Отсюда весь Апшеронский полуостров был как на ладони, а весь залив с его мысами и городом представляли из себя восхитительный живой план с движущимися конками и судами.

Здесь, на вершине горы, окруженная могильными памятниками стоит уныло и одиноко Грузинская церковь.

Мы поехали по степным холмам. У небольшого кряжа голых холмов, прорванных в одном месте трещиной, мы остановились и пошли пешком. Это и были Волчьи ворота.

Всю прелесть, всю красоту их я оценил только тогда, когда взглянул в ворота вниз и увидел, что я стою на страшном крутике, на высоком карнизе чёрных плойчатых скал, что у моих ног зияет глубокая пропасть и расстилается во всей грозной и дикой прелести вулканическая Ясомальская долина.

Что-то мёртвое, страшное лежит грозной печатью на этой долине, по дну которой, словно игрушечный, бежал поезд у самой стены чёрных скал по ту сторону долины, где я тоже проезжал.

Вдали синело Каспийское море, ближе серебрилось небольшое солёное тихое озеро, на берегу которого, говорят, водятся розовые фламинго. Там же поднялась чёрная сопка, а за ней две горы –

«Бакинские уши», возле которых мрачно глядел забрызганный засохшей грязью знаменитый вулкан Лок-Батан.

Вот и станция «Волчьи ворота», словно игрушка, прижалась к земле в этой мёртвой долине. Мы были в восторге и лазали по плойчатым скалам, находя удивительную и своеобразную флору.

Тут были и лиловые маки, или ремерии, и белые пушистые султаны астрагалов, и жёлтые низкие зонтичные, и удивительно душистое растение с невзрачными грязно-жёлтыми цветами, с войлочными листьями и поразительным ароматом, очевидно, из диких левкоев, очень напомнившее нам по виду орхидеи.

Нас захватали страшная гроза, и Ясомальская долина предстала в таком грозном виде в свете молний и под раскатами грома, что я никогда не забуду впечатлений этих картин.

Ездил я на станцию Путу, также по железной дороге. Каспийское море отступило к востоку и образовало голую, мертвеннюю, печальную пустыню, прокалённую солнцем, необозримую и душную, солонцеватую и зловеще желто-бурую, на поверхности которой местами растут две, три солянки, такие же бурые и неприветливые, как окружающая их пустыня, да стелющиеся каперсы с их большими белыми цветами.

Здесь, в этой пустыне, особенно по пригоркам, поднялись ровные и почти правильные конусы, в

которых нельзя было не узнать вулканическое их происхождение, уже благодаря одной их окраске, резко отличающейся от жёлто-бурого цвета пустыни. Сине-серый цвет этих конусов, так правильно насыпанных на песчаные холмы и горки, заставил меня сразу же признать их за грязевые вулканы. небольшие конусы в несколько фут вышиной, а иногда в несколько сажен, залитые ярким солнцем, зловеще замерли среди пустыни. Изверженная грязь засохла, окаменела и местами потрескалась.

Большую частью грязевые вулканы Апшеронского полуострова находятся в состоянии спокойствия. В их полуобвалившихся кратерах грязь засохла, глина потрескалась и закрыла всё жерло, но есть такие, в которых грязь и синеватая глина до сих пор находятся в жидкому состоянии, и газы, которые постоянно вырываются на поверхность земли удушливыми пузырями, образуют клокотание и кипение этой глины. На поверхности её образуются пузыри, которые лопаются и разбрасывают грязь.

Оба оконечных полуострова Кавказа – и Тамань, и Апшеронский – покрыты сальсами, оба выбрасывают нефть и тем доказывают полную взаимную зависимость. В окрестностях Баку очень много таких вулканов.

- Один из самых больших и стоящих посещения, - говорили мне бакинцы, - это у железнодорожной станции Путы, третьей по дороге в Тифлис. Громадный грязевой вулкан Лок-Батан недавно еще действовал. Несколько лет тому назад было

извержение грязи и камней, сопровождавшееся подземным гулом и столбом пламени и дыма.

Мне удалось видеть клокочущие небольшие вулканы, вытекшая грязь из которых во время прежних извержений дала хорошую почву для садов и виноградников.

- Что это за горка? – спросил я дядю, когда мы ехали с ним по Апшеронскому полуострову, оставив далеко за собой «Большие огни».

- Это цепь песчаных вулканов.

Меня удивила эта правильность расположения этих песчаных холмов, выбрасывающих во время извержений только песок и воду. Эти правильные песчаные конусы стояли в ряд, как солдаты, образуя выемку в середине своей цепи.

44

Сколько впечатлений выносишь всегда от этих путешествий, от этих блужданий, сколько неизгладимых картин врезается в память даже в самой безотрадной местности, как вся эта голая, безотрадная степь окрестности нефтяного города!

Я никогда не забуду это сочетание жёлтого, сверкающего под солнцем песка с ярко-синим небом и эти караваны верблюдов, медленно переступающих по калёному песку, связанных между собой и мерно плывущих по необозримому песчаному морю...

Помню, в какой неописуемый восторг я пришёл, впервые увидевши верблюжью траву в цвету. Повсюду торчали длинные плети с небольшими листьями и прелестными нежно-розовыми цветами.

Кусты были сплошь покрыты бабочками цветов, которые распускаются только ранней весной. Что-то девственное, прелестное, свежее веяло от этих чудных цветов пустыни, облетающих вместе с листьями, вскоре после распускания на горячие пески. Я видел позже это растение. Это были щётки колючих острых стеблей, суровых и жёстких, как сама пустыня, - одно из кушаний верблюда, губы которого не страдают от укола этих ветвей. Трудно было себе представить, что весной эти колючки цвели такими нежными цветами и так радовали взгляд путника среди жарких и бесконечных песков.

Отрывок из главы «Каспийское побережье. На пароходе.»

Мы давно решили ехать в этот райский уголок (Ленкорань – ред.). Наш отъезд был решён, и мы должны были уехать... с пароходом «Александр III» (общество «Кавказ и Меркурий» - ред.).

(...) Пароход был переполнен народом. Дивний весенний вечер окутал Каспий. Баку, как иллюминированный, сиял своими огоньками и производил чарующее впечатление.

Словно чудное ожерелье, мерцали огоньки набережной и роняли столбы света в море. Вся дамба была покрыта провожающими.

Пароход засвистел в третий раз и медленно стал отдаляться от пристани. Огоньки Баку становились всё тусклее и вскоре исчезли.

Большой и красивый пароход «Александр III» резал своим острым носом каспийские волны, залитые серебром лунной ночи...

Практические сведения для туриста

Баку (515 вёрст от Тифлиса)

Железная дорога. Ежедневно на Батуми один поезд, проходящий Тифлис.

Пароходство. Трижды в неделю: на Петровск и Астрахань. Пять раз в неделю пароходы в Узун-Ада и Красноводск. Один раз в неделю в Ленкорань и персидские порты: Энзели, Мешедессер и Астрабад.

Гостиницы. «Гранд-Отель», в Лалаевском проезде (номера от 1 руб. до 5 руб., с рестораном). «Европа» в ту же цену, тоже с рестораном, на Лалаевском проезде. «Метрополь» на Парапете (номера от 1 руб. 50 коп. до 10 руб., с рестораном). «Кавказ», против театра. «Франция», на Торговой ул. (хорошая). «Империал». «Версаль».

46

Рестораны. Во всех главных гостиницах: «Гранд-Отель», «Европа», «Метрополь», «Империал», «Кавказ». Ресторан «Норд», «Иверия», «Ани» (восточный ресторан под Контрольной палатой на Набережной¹). В общественном Михайловском саду ресторан клуба (Клуб Общественного собрания – ред.), летом (по рекомендации).

Сады. Михайловский, на набережной. Цициановский с обелиском в память кн. Цицианова. Мариинский (Молоканский) сквер с фонтаном.

Извозчики. Фаэтоны, конец в городе – 20 коп., на вокзал – 30 коп., от поездов в город – 50 коп., в Чёрный городок до городской черты – 50 коп., в Чёрный городок до

¹ Контрольная палата и ресторан «Ани» находились на Горчаковской ул. (ныне ул. Г.З.А. Тагиева) и Контрольного переулка (ныне ул. Польских архитекторов)

завода Нобеля – 60 коп., за час по городу 60 коп., на Баилов мыс – 40 коп., в Биби-Эйбат и обратно – 2 руб., в Волчье ворота со стоянкой 1/2 ч. и обратно – 3 руб.

Конно-железная дорога. Линия от *Вокзала до конца набережной* (конец – 5 коп.), другая *Вокзал – Шемахинка*, третья *Шемахинка – набережная*.

Паровая жел. дорога в Чёрный городок до Нобелевского завода от вокзала (10 коп. и 5 коп.)

Развлечения. Театр (скверное строение, труппы случайные). Цирк на Петровской площади. Летом музыка по воскресеньям в общественном Михайловском саду. Несколько клубов и собраний (балы, концерты).

Фотографии. Виды Баку Жоржа на Полицейской ул. Мишона Торговой ул., *Ростомян* на Парапете.

Библиотеки. Бакинского армянского человеколюбивого общества. Библиотека госпожи Куткиной, Думская площадь.

Достопримечательности. Набережная с Девьей башней. Старый город (с ханским дворцом, мечетями, судилищем, крепостными стенами). Тёмные ряды. Морские огни у Баилова мыса. Баиловы камни. Опреснитель. Поездки в Балаханы, в Сураханы, в храмы вечных огней. Нефтяные заводы и весь Чёрный городок. Биби-Эйбат и нефтяные фонтаны. Волчья долина с её сопками и временно потухшей вулканической деятельностью. Памятник Цицианову. Михайловский сад. Новый собор. Поездка на станцию Путу к вулкану Лок-Батан.

Железная дорога на Балаханы и Сураханы, а также ст. Путу.

Василий Сидоров. По России. Кавказ

Ежедневные поезда. Предпочтительнее езда на фаэтоне.
Линия на Петровск.

Купальни. Две и обе находятся на набережной. Много
бань русских и восточных.

Почтовая дорога на Кубу в 156,5 вёрст. От Кубы до
Дербента 80,5 вёрст.